

МИХАИЛ УСОВ

1. БУРУНЫ, КАК ОНИ ЕСТЬ

Повелось писать о чабанах, или когда они пригонят отары на стрижку, или когда овцы разъягнутся. А то и другое случается раз в году. Тогда узнаешь о среднем настриге, о том, сколько, получено ягнят на сотню овец.

Спору нет, то и другое очень важно, для этого занимаются овцеводством. Но вся жизнь чабанов, их нелегкая работа в степи остаются скрытыми, от глаз. И надо случиться чему-либо, чтобы вспомнили о чабанах.

Не будем ждать, чтобы что-либо стряслось, и без всякого чрезвычайного повода побываем у чабанов. Да не у ближних, до которых можно доехать, не выкурив и одной папиросы, а посетим тех, кто живет далеко не только от городов, но и сел. Хотя бы — в бурунах.

Буруны?.. Не все, сумеют ответить, где эти буруны, что собой представляют.

Мне довелось услышать о бурунах в детстве. И это впервые услышанное слово начало распалать мое воображение. Страсть как хотелось попасть в бурунные края. И рисовались они мне в самом немыслимом, сказочном виде. Не просто степь, а таинственная страна, где и земля, и травы, и солнце, и сами люди необыкновенные. Где же ее искать, эту, страну, — я не знал. Не знали и мои дружки. Лежала она за той чертой, где сходились, земля и небо. Надо идти и идти, прямо на восход солнца. Вот все наши познания.

Эх, как же манили к себе буруны - бездорожная страна чабанских кочевков и

пылающих костров, полуночного волчьего воя и нестихающих ветров, багрово-рдяных закатов и веселых золотисто-алых зорь! Слово-то какое беспокойное, тревожное: буруны. За ним — неясное, зыбкое, словно степное марево, и страшно далекое.

Как бы сюда попасть! Как?..

Довелось же мне попасть в буруны лишь поздней военной осенью 1942 года. Легко было солдатской лопаткой рыть окоп в сыром, слежалом песке, позверинуму таиться в полынях. Мелкокапельные, из тумана, ноябрьские дожди незаметно пропитывали шинели от ворота до самых пол, делали их тяжелыми и холодными. Мокро было даже под мышками. Стылыми руками мы прятали наши автоматы от дождя, оберегали от нудной капли запалы противотанковых гранат.

В сыром песке хоронили убитых. Без гробов, — вокруг ни доски.

Из бурунов мы повели наступление на врага. Это было, как скупо извещали военные сводки Совинформбюро, «северо-восточнее Моздока».

И опять — сколько лет спустя! — я в бурунах, где-то северо-восточнее Моздока. Бугристой, взбаламученной, как непогожее, штормовое море, выглядит бурунная степь. Ни склада, ни лада. И так подняло, взметнуло, скособочило землю, и этак. Холмы, чаще неправильной формы: мало округлой, больше срезанных, как будто кто их снес одним махом иль оборвал, а то

проутюжил чем-то тяжелым.

Бугры... бугры... бугры. Гребни, завороты, обрывы, откосы, ямы. Серо-желтыми пластами, гребнями, холмами песок. Что-то недоброе, хищное видится в этих серо-желтых, пластах. Одни из них вытянулись по-змеиному, таятся меж бугров; другие, как в прыжке, взметнулись над землей, застыли в немой ярости.

Чуткое ухо уловит сухой, звенящий шелест. То, сдуваемые ветром, струятся по гребню мириады песчинок. А поднимется буря, задымятся пески, помчатся с ветром. Где был колесный след — заметет, где было ровно — навалит бугор, где качались травы — ни одна былинка, ни один стебель не попадетсЯ утомленному взору.

Ненадежна твердь, сама земля в бурунах.

«Катавалами» зовут чабаны самые взбаламученные, труднодоступные места. Немало овец потерялось, словно сквозь землю провалилось в катавалах. И как ни надрывались чабаны, сколько ни излаживали гиблых мест, — редко удавалось вызволить овец.

Что за слово «катавалы»? Как оно произошло? Можно признать в нем: катятся валы. Песчаный прибор, мертвые волны. Можно признать иное: кат — разбойник, душегуб; тогда выходит — разбойничьи, душегубьи волны.

Хоть так, хоть этак, а смысл один — плохое, гиблое место. Обходит их стороной чабан с отарой.

Если так неприветливы, так грозны буруны, что же тогда привлекает сюда людей, заставляет мириться с невзгодами и жить здесь по своей доброй воле? Почему любят эту землю овцеводы, люди практического ума, не дружащие с романтикой? А что они любят ее, землю, — сама за себя говорит многолетняя жизнь чабанов в этих, неласковых краях, их нежелание расстаться с ними. Лишь старость да хворь бывают причиной отъезда из бурунов.

2. КОГДА ДОЖДЬ — ПРАЗДНИК

Первый летний дождь под перекаты грома пробежал над бурунами двадцатого августа. Ветер не давал ливню падать отвесно: своими яростными порывами он бросал стремительные струи то вперед, то вправо и влево, не оставляя сухого пятнышка на иссушенной земле.

Все вокруг менялось, приобретало свежие краски. Пепельно-бурая земля влажно темнела, опаленные и сохлые травы, смыв с себя пыль и песок, оказывались то зеленым стеблем, то таким же живым листом. Совсем повесеннему буйно выглядел кустистый старожин. Будто только лишь распустившись, запестрели крохотные цветочки — лиловые, белые, желтые. И с каждым порывом тугого ветра все сильнее, все гуще пахло чобором, рогачиком, полынью. Иссушенные до корней травы — жили, они источали запахи. И никак нельзя было надышаться омытым летним дождем воздухом бурунов. Казалось, не было трехмесячного пекла, безжалостного солнца, удручающей духоты ночью. Все сейчас блаженствовало, все радовалось счастьем жизни.

Овцы семенили ногами, почти бежали за уходящей грозой. Подвижными губами они ловили мокрые стебли и листья, проворно срезали зубами и опять перебегали к новым кустикам.

А из поселка чабанов несся, не смолкая, гусиный гогот и крик. Ошалев от дождя, бело-серые гуси с шумом бросались в лужи, били крыльями, изгибали шеи и окатывали себя водой. Новые стаи выбегали из дворов и, увидев лужи, сразу кидались со всех ног, размахивая крыльями, — срывались на полет.

Серые жаворонки взлетают перед нашим вездеходом и, прощепетав что-то короткое и приятное, как приветствие, садятся неподалеку.

Отару мы увидели с бугра. Рассыпавшись по низине, обходя бугры, овцы паслись. Ни одна из них не подняла головы, не насторожилась. Лишь громадная косматая собака сорвалась с места и понеслась наперерез машине. Откуда-то вырвался второй пес.

— Кажется, Гриненко Константин Иванович, — завидев чабана, говорит мой путник. — Да, он.

Улыбаясь друг другу, поочередно обмениваемся рукопожатиями с чабаном. Рот его по-стариковски запал, но лицо брито, глаза не потускнели, в них — неприкрытая радость и живое, почти мальчишеское любопытство. Не часто захаживают сюда люди: за все лето — мы первые.

— С дощыком занесло, — негромко смеется чабан, жмуря глаза. — С самой весны его ждем, от новолунья до новолунья. Но никак молодник-мисяц дощыком не обмывався, витром та пылякою проходыло. Усе посохло, як сухари на пичи. Вивци кормиться нема чем, бачте самы.

Торопясь выговориться, сказать о самом наболевшем, чабан, перекладывая ярлыгу то в ладонь правой, то левой руки, с укором кивал головой на солнце.

— Нема покурыть? — прервал свои сетования чабан. — Вот спасыби! Побижу теперь до овец, а то заберуться в катавалы, вон як швидко иде отара.

И уже, уходя от нас, обернулся:

— От дощыкив молода трава буде, волошок росты начне — перший корм!

И долго вспоминались эти слова старого чабана, его последний, по-молодому яркий взгляд из-за плеча.

3. ЧАБАНИЛ КАЛЕНДАРЬ

Трава... Часто ли мы вспоминаем, задумываемся о ней? Что она для нас? А чабана и во сне тревожат травы. Для него любая из них — на свое лицо и на свой вкус. Вкус же, достоинства трав чабан оценивает тем, как их поедают овцы. Тот же пахучий чобор, казалось бы, — годный всего лишь для россыпи по углам хат для «духу», — когда отцветает — охотно поедается овцами. Горькая, эфирноносная полынь после морозов становится съедобной.

Но когда еще будут морозы, в бурунах, а овцу надо кормить сейчас. И ходит чабан с отарой, забирается под самые катавалы, лишь бы найти пастбищный корм.

— Глядеть на нее, на эту землю, не могу! — срывается на крик наш новый знакомый Василий Антонович Мартынов и, тыча рукой себе под ноги, выдавливает сквозь зубы: — Чем тут кормиться овце, чем, а? Овца — не ящерка.

Маленький, узкоплечий и впалощекий, он смахивает больше на подростка. И также подвижен и непоседлив, а руки вовсе не знают покоя. То он размахивает ими, то куда-то указывает, а вот сорвал сплюснутую кепку и, не выпуская из рук, скребет пальцами по голове. Волосы у него, оказывается, с проседью, редкие, словно прилипшие ко лбу, вискам, морщинистой шее.

— Облезаю, как та старюка-овца, — заметив, мой взгляд, совсем по-ребячьи расщерив губы, засмеялся Мартынов и ткнул рукой в отару.

Не сразу я увидел эту овцу среди десятков таких же понурых животных. Часто поводя облезлыми боками, она стояла с молодой ярочкой сплошь в тугих завитках шерсти. Все овцы были с ягнятами, догнавшими ростом своих матерей.

— Старюка, а какую ярку привела! — меняя тон с иронического на серьезный, сказал чабан. — Оправдала себя. Но дальше держать нельзя: больше не жди от нее ягненка. А таких хватает, для счета держим. Как же — голова!

Тут я услышал от Мартынова о чабаньем календаре:

— Четыре окота принял в этой отаре. Это выходит, если по календарю — четыре года я с нею в бурунах. Мы ведем счет времени, не от января до января, а от окота до окота. Разьягнится отара — чабану с подпасками Новый год, большой праздник: была одна отара, стало две. Вот сейчас управляюсь с двумя отарами: маток семьсот да ягнят девятьсот двадцать одна голова. А ягнок больше матери...

Рука сдернула кепку, пальцы заскребли свалывшиеся потные волосы.

— И куда это годится, — ожесточаясь, круто повернул разговор чабан. — Никуда не годится: лето кончилось, а матки с ягнком в одной отаре, тянет

ягнок молоко. Здоровый, только поглядите на него, а он согнет ноги, брык на передок, матке под брюхо, да как поддаст ей башкой, она так и подпрыгнет. Все вымя отобьет, требуя молока. Болеют матки. Да и как им не болеть!

Заместитель председателя, колхоза Юрий Алексеевич Бочарников, ветеринар по образованию, и не думал оспаривать правильность замечания, чабана, но тот не унимался:

— Чего ж тянете с отбивкой, а? Чего? Знаю, что ответите: «Людей не хватает». Так это какой же ответ! Рядом с правлением, полно людей, — нам даже отсюда, с бурунов, видно, а в отары послать некого. Это бы я похаживал рядом с правлением, ждал бы легкой работы. Ждали бы другие. Да на что это похоже!

4.КОРЕНЬ ЗЛА

Перебираясь из отары в отару, беседуя с людьми, приглядываясь к их хлопотам, я все больше входил в чабанское житье-бытье.

На одной зимовке «потянуло» кошару. Доски еще хранят свежие затесы, а стены опасно наклонились, такие не выдержат напора бурана.

Бочарников озабочен: без срочного ремонта не обойтись. Но глядеть надо глубже: а выгодно ли возводить облегченные, без фундамента кошары? Построить их, конечно, скорее, на материале можно кое-что сэкономить, первоначальных затрат будет меньше, но... скособоченная, аварийная кошара заставляет, серьезно подумать.

Завернули на стоянку старшего чабана молодого коммуниста Вячеслава Карагодина. У него по отаре самый большой настриг: пять килограммов восьмьсот граммов тонкой шерсти, а плановая цифра — пять с половиной килограммов. У него же, у Карагодина, на овцу приходится, если произвести несложное арифметическое действие, ягненок с четвертью. А вот по отаре Сергея Скорых и одного целого ягненка

никак не получается на овцу. Многие матки ходят в одиночестве. Немало таких и в других отарах. Выходит недобор. А тут еще падеж. Только у Ивана Енина пало сто двадцать пять валухов, пятая часть отары.

Карагодин, видимо, уже не в первый раз спрашивает Бочарникова:

— Когда в овцеводстве будем кончать с «турецкой» техникой водопоеения? Когда же?.. Мне с подпаском и третьяком осточертело вытаскивать руками из колодца по тысяче ведер воды ежедневно.

И тут же памятный чабан сослался на высказывание Никиты Сергеевича Хрущева на счет этой «турецкой», ветхозаветной техники.

Ничего другого не нашел, в своем арсенале Бочарников, кроме ссылки на промышленность, которая ничего-де не делает для механизации водопоеения овец. Вскоре, однако, он почувствовал себя явно сконфуженным, когда у соседней на ферме увидел водопоеение овец с помощью механизма на конном приводе. И горючего не надо! Любой чабан с таким механизмом справится.

Пришлось Бочарникову старательно занести в записную, книжку марку механизма и адрес завода.

А знакомый нам Василий Антонович Мартынов, в чьей отаре мы побывали вторично, глядя на пасущихся овец, сокрушенно сказал:

— За наших овец стыдно — и мелки они, и худы, как те бездомные собаки. Ей-бо, как собаки! Где же шерсти быть, ей расти не на чем, — и чабан, снова ожесточась, содрал с головы кепку,

Василий Антонович, задел самое больное. Овцы теряют вес и самый свой вид, то, что специалисты называют экстерьером, С каждым годом все меньше настригают шерсти с овцы, план съема, а отсюда и план сдачи-продажи тонкой шерсти не выполняется.

— Трудно поверить, — заявил Бочарников, — но родословная, все племенные данные на овец потеряны. Все надо начинать сначала.

Сказано самокритично. Да, в

запущенности племенной работы, кропотливого дела подбора и отбора лучших животных — главная причина падения шерстной продуктивности в овцеводстве, здесь корень зла.

Это относится не к одному колхозу «Коммунистический маяк», на чьей овцеводческой ферме в далеких бурунах мы побывали. Ведь за четыре года семилетки ставропольцы недодали стране около трех тысяч тонн шерсти.

5. О ШЕЛЮГЕ, О СИЛОСЕ И ДРУГОМ

Не раз слышал я слово это от чабанов, но понадобилось какое-то время для того, чтобы слово «шелюга» стало связываться с вполне конкретным, зрительным образом, а за ним открылось такое, о чем нельзя умолчать.

Так вот о зрительном образе. На буграх, по гребням и сыпучим откосам, где не держались даже ко всему привыкшие бурунные травы, видны зеленые заросли. Нельзя отвести глаз, нельзя скрыть удивление.

— Шелюга, — впервые услышал я от Василия Антоновича. Словно борясь с желанием сказать или не сказать, чабан глянул на меня, на Бочарникова, повременил слегка. Решившись, признался. — Гоняем и до той шелюги отару, овцы сами к ней бегут.

После я узнал — не всегда здесь росла шелюга. Этот кустарник-сухолюб посадили искусственно. Он не только прижился, оказался хорошим закрепителем песков, но и съедобным для овец. Молодые посадки пришлось оберегать. Сейчас же об этом забыли. Пастьба по шелюге приняла такие размеры, что ведет к изреживанию и уничтожению посадок... Мне встретились, овечьи загоны, иначе базы, огражденные срубленными ветвями, наваленными целыми ворохами.

Шелюга — естественный закрепитель песков, ее надо оберегать. В том, что это плохо делается, повинно тяжелое положение с кормами. Чабану трудно удержаться от соблазна пройти отарой по шелюге. Овцы в бурунах круглый год на пастбище. Лишь метель да гололед

задержат отары на базу, в кошаре. Сено часто перестойное, заготавливают мало. За весну и лето работники овцеводческой фермы накопили всего пять тысяч центнеров, а овец — десять тысяч. Те семнадцать приземистых скирд, что сохранились от прошлой малоснежной зимовки, не восполнят острой нехватки кормов.

— Начнем подбрасывать силос, — успокаивая чабана, говорит Бочарников. — Хотя за сто километров, но завозить будем и силос, и солому.

Силос, завозить за сотню километров? Солому? Да! Завозят сюда с осени, везут сейчас по зимней дороге. Так из года в год. Само по себе напрашивается — а что, помимо укуса дикорастущих трав, делается по расширению кормовой базы на месте? Все ли дают буруны? Ведь прямо на желтых песках мы видели отличный колхозный виноградник. Ни много, ни мало, а пять гектаров. Литые кисти ягод сами говорили за себя. В другом месте наткнулись на бахчу, да не одну; а рядом, у соседей, — кукурузные плантации. Оправдывают себя посевами озимой ржи, но сеют ее мало. Что и говорить — земледелие в бурунах без их обводнения и орошения, — рискованное занятие. Здесь вовсю дают о себе знать жара и бездожде, песчаные бури, страшные стихийные силы природы. Но без риска вообще нет земледелия, нет сельского хозяйства.

Буруны могут дать больше того, что они сейчас дают. Подспудные их силы надо заставить полностью заработать на изобилие. Это по плечу нашему человеку с его техникой и знаниями.

Поселок Буруны,
колхоз «Коммунистический маяк».